

ПОСЛѢГЕСІОДОВСКОЕ БОГОСЛОВІЕ. 1)

Расширяя кругъ высшихъ существъ, индивидуализируя ихъ, сообщая имъ большую и большую опредѣленность, греческая мысль однако не стремилась къ тому, чтобы рѣзче разграничить различные типы существъ, вслѣдствіе этого классификація тѣхъ, которые управляютъ судьбою людей, часто оказывается затруднительною, порой и невозможною. Греческая религія почитала то, что мы называемъ персонифицированными понятіями. Относительно многихъ изъ нихъ часто бываетъ трудно сказать—считались ли они демонами или богами, иногда одна и та же персонификація являлась то какъ богъ, то какъ демонъ. Списокъ этихъ существъ очень великъ. Мы назовемъ нѣкоторыя.

Невинность (*Ἀβλαβία*), прозорливость (*Ἀθηφαγία*), стыдъ (*Αἰδώς*), вѣкъ (*Αἰών*), безстыдство (*Ἀναίδεια*), необходимость (*Ἀνάγκη*, *Βία*), взаимная любовь (*Ἀντέρωσ*), простота (*Ἀφέλεια*), молитва (*Ἄρα*), добрдѣтель (*Ἀρετή*), нечестіе, беззаконіе (*Ἀσέβεια*, *Παρανομία*), безопасность (*Ἀσφάλεια*), голодъ, нужда (*Λιμός*, *Βούβρωσις*), совѣтъ, сенатъ (*Βουλή*), народное правленіе (*Δημοκρατία*), народъ (*Ἄθος*), правосудіе (*Δικαιοσύνη*), сила (*Ἄνταμις*), миръ (*Ἐιρήνη*, приносились безкровныя жертвы), народное собраніе (*Ἐκκλησία*), милосердіе (*Ἐλεος*), освобожденіе отъ зависимости (*Ἐλευθερία*), надежда (*Ἐλπίς*), годъ (*Ἐνιαυτός*), война (*Ἐνός*), ссора (*Ἐρις*), хорошее питаніе, доброе питье (*Ἐύροσία*, *Ἐύλοσία*), благодареніе (*Ἐύεργασία*), хороший урожай (*Ἐύετηρία*), слава (*Ἐύκλεια*), законность (*Ἐννομία*), радость (*Ἐυφροσύνη*), достатокъ (*Ἐύπορία*), удача (*Ἐύπραξία*), благочестіе (*Ἐδδέβεια*), процвѣтаніе (*Ἐύθνηρία*), хорошее настроеніе (*Ἐύθυμία*), бракъ (*Γάμος*), смѣхъ (*Γέλωσ*), родъ святыхъ (*Γέρος*

1) Окончаніе. См. Богосл Вѣстн 1908 г. Сентябрь.

σεβαστῶν), старость (*Γῆρας*), собраніе старѣйшинъ (*Γεροντία*), соразмѣрность (*Ἀρμονία*), предводительство (*Ἡγεμονία*), любовное желаніе (*Ἔμερος*), единомысліе (*ὁμόνοια*), божественное побужденіе (*Ὀρμή*), гордость (*Ὑβρις*), сонъ (*Ὑπνος*), удобный случай (*Καιρός*), молва (*Κληδών*), преодоленіе, побѣда (*Κράτησις*, *Νίκη*), забвеніе (*Λήθη*), силы воодушевленія (*Μανία*), раскаяніе (*Μεταμέλεια*), воспоминаніе (*Μνεία*), толпа (*Ὀχλος*), окончаніе; совершеніе (*Παυτελής*), убѣжденіе (*Πειθώ*), бѣдность (*Πενία*), рѣчь (*Φήμη*), дружба (*Φιλία*), страхъ (*Φόβος*), звуки, слова (*Φωναί*), вѣра (*Πίστις*), страсть (*Πόθος*), дѣйствіе (*Πράξις*), провидѣніе (*Πρόνοια*), благомысліе (*Σωφροσύνη*), спасеніе (*Σωτηρία*), собраніе властей (*Συναρχία*), искусство (*Τέχνη*), посвященіе (*Τελετή*), смерть (*Θάνατος*), отвага (*Τόλμα*)¹⁾.

Каждому изъ этихъ понятій воздвигались или алтари или святилища или статуи, олицетворенія ихъ изображались на монетахъ. Сохранилось много чрезвычайно страшныхъ изображеній страха. Видно, что всякое душевное состояніе съ греческой точки зрѣнія имѣетъ для себя—во всякомъ случаѣ въ нѣкоторой мѣрѣ—причину въ спеціальному духу. Павзаній, рассказывая о варварахъ, на которыхъ напалъ паническій страхъ, добавляетъ, что этотъ страхъ, „какъ извѣстно, является безъ всякой причины“²⁾. Очевидно, причина здѣсь предполагается въ демонѣ или богѣ страха. Но не только душевныя состоянія, всякое соединеніе людей предполагаетъ собою нѣчто высшее духовное—нѣкій духъ, ихъ объединяющій, духъ, которому должно воздавать поклоненіе. Такъ являются духъ государства, народа, толпы. Наконецъ всякое событіе и всякая вещь, что можно разсматривать за единицу, предполагаетъ, какъ свою основу, духовное начало. Удачу даетъ демонъ удачи, побѣду даетъ божество побѣды, городъ—даже въ смыслѣ зданій—можно сказать цементируется, связывается въ едино духомъ.

Широко развился въ Греціи культъ героевъ. Думается, что герои можно опредѣлить такъ: они люди по своему рожденію, но боги по своимъ дѣламъ. За ихъ дѣла потомки и почитали ихъ послѣ ихъ смерти. Мы сказали: люди—по рожденію, но нельзя сказать: по происхожденію. Гераклъ

¹⁾ Roscher, op. cit. 49/50 Lieferung. 1903. Personifikationen, особенно 2127—2145. Для примѣра также 51 Lieferung—Phobos S.S. 2336—2395

²⁾ Павзанія, op. cit X, 23, 7. стр. 712.

имѣлъ отцомъ Зевса, Зевсъ былъ отцомъ и Елены, но и Гераклъ и особенно Елена—герой и героиня—являются людьми. Въ греческомъ сознаниіи герой былъ человѣкомъ хотя бы и божественнаго происхожденія, культъ героевъ является такимъ образомъ культомъ великихъ предковъ, причѣмъ это величіе восходило до совершенія сверхъестественныхъ и чудесныхъ подвиговъ и ниспускалось до роли болѣе или менѣе выдающагося историческаго дѣятеля въ какомъ-либо округѣ Греціи. Но если таковы образы героевъ сложившіеся въ историческую эпоху, то, говорятъ, не таково происхожденіе многихъ изъ нихъ. Полагаютъ, что нѣкоторые герои на самомъ дѣлѣ суть бывшіе боги. Мѣстный богъ, почитавшійся въ какой-либо области, олицетворявшій собою какое-либо свойство постепенно, пріобрѣталъ черты историческаго лица и ниспускался до человѣка. Такъ полагаютъ, что образъ Агамемнона созданъ изъ бога Агамемнона, почитавшагося въ Спартѣ, тоже самое утверждаютъ объ Еленѣ, полагаютъ, что она въ древности была божествомъ деревьевъ, такъ какъ упоминается Елена *δερβόιτις*. Развита даже теорія, что Агамемнонъ это Зевсъ (въ Лаперсахъ богъ Агамемнонъ отождествленъ съ Зевсомъ), Клитемнестра—земля, ихъ сынъ Орестъ—Аполлонъ. Земля извѣчна, но Зевсъ—нѣтъ, онъ сталъ на мѣсто титановъ и въ свою очередь будетъ свергнутъ и начнется новое царство ¹⁾. Нельзя сказать, чтобы эта теорія хорошо согласовалась съ мѣомъ. По мѣу вслѣдъ за Агамемнономъ погибаетъ и Клитемнестра, т. е. значитъ вслѣдъ за Зевсомъ погибаетъ и земля, а это уже никакъ не можетъ быть согласовано съ представленіемъ о новомъ царствѣ на этой землѣ. Нельзя а priori отрицать возможности превращенія бога въ героя. Боги и герои, нельзя сказать, чтобы черезъ чуръ далеко расходились между собою. Но въ приложеніи къ опредѣленнымъ образамъ героевъ нельзя спѣшить съ теоріею, что эти герои вышли изъ боговъ носившихъ тожественное съ ними имя. Многія греческія имена, какъ имена и въ другихъ религіяхъ, теофорны. Въ православныхъ святцахъ мы находимъ имя Дія (апрѣля 3, іюля 19). Неужели это языческій богъ, ставшій православ-

¹⁾ Проф. Зѣлинскій, Язычество (Энциклопед. словарь Брокгауза и Эфрона, 81 полутом.. стр. 551).

нымъ святымъ? Конечно, нѣтъ. Это—грекъ, носившій теофорное имя. Почему не допустить, что Агамемнонъ и Елена суть историческія лица, носившія имена боговъ. Эти лица играли крупную роль, вслѣдствіе этого послѣдующіе вѣка создали около нихъ циклъ легендъ. Эти легенды сблизили ихъ съ тезоименными богами такъ, что порою ихъ можетъ быть и путали, но едва ли это раздвоившіеся образы. Въ Агамемнонѣ слишкомъ много историческихъ и слишкомъ мало божественныхъ чертъ. Что касается до Елены, то ея образъ очень сложенъ, однако греческая литература въ общемъ представляетъ намъ дѣло какъ бы такъ, что обоже- ствление спартанской царицы совершается постепенно. Подробности о ея рожденіи отъ Леды развиваются въ послѣ- гомеровской поэзіи. Въ этой поэзіи возникаетъ тенденція и къ нравственной реабилитаціи Елены. Легенда рассказываетъ, что поэтъ Стесихоръ (VII—VI, умеръ около 556 г. до Р. X.) изобразилъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Елену, какъ недостойную женщину, затѣмъ онъ ослѣпъ и прозрѣлъ лишь послѣ того, какъ отказался отъ этого пред- ставленія объ Еленѣ. Но какъ примирить этотъ взглядъ на Елену съ ея измѣной Менелаю? Стесихоръ вышелъ изъ затрудненія, представивъ, что не Елена, а ея призракъ былъ увезенъ Парисомъ въ Трою. Впослѣдствіи Эврипидъ въ одной изъ своихъ трагедій развилъ эту тему. Оказывается, что дочь Зевса и Леды вѣрная своему мужу пребывала въ Египтѣ, когда ея призракъ поражалъ своею красотой троян- скихъ старцевъ ¹⁾. Вообще легко понять, какъ Агамемнонъ и Елена могли изъ обыкновенныхъ людей въ поэтическомъ воображеніи постепенно превратиться въ богоподобныя су- щества или даже въ боговъ, но гораздо труднѣе понять, какъ въ Спартѣ, гдѣ почиталась богиня Елена, могла обра- зоваться гомерическая сага объ Еленѣ, выставляющая ее просто на просто красивой игрушкой Киприды.

Культъ героевъ, говоримъ мы, есть культъ великихъ пред- ковъ. Понятно, что чѣмъ далѣе мы отступаемъ въ глубь исторіи, тѣмъ величіе этихъ предковъ оказывается выше.

¹⁾ Roscher, op. cit. 1 Helena 1928—1977 Анненский, Театръ Еврипида. стр 26 Энциклопед. словарь Брокгауза и Эфр 62 полутомъ. Стесихоръ стр 632—633. Круаазе, Руководство по исторіи греческой литературы Перев Радцига. стр. 175 и слѣд

Величайшимъ изъ героевъ является Гераклъ. Онъ былъ великимъ страдальцемъ, совершилъ великіе подвиги и получилъ въ удѣлъ пребываніе на Олимпѣ. Его почитали, какъ героя и ему приносили жертвы, какъ богу. Павзаній сближаетъ его съ ливійскимъ Аммономъ и вавилонскимъ Виломъ (Беломъ), причемъ Аммонъ и Виль у него—люди ¹⁾, здѣсь мы дѣйствительно видимъ превращеніе боговъ въ людей, но вѣдь, это—далекіе и чуждые боги, и рѣчь Павзанія неясна. Послѣ Геракла изъ героевъ долженъ быть поставленъ Тезей, совершавшій подвиги во благо Атики, Язонъ, добывавшій золотое руно въ Колхидѣ, Мелеагръ, Эдипъ. Почитались герои троянской войны. Почиталась Кассандра. Широко былъ развитъ культъ Діомеда, особенно въ нижней Италіи. Почитался Ахиллесъ. Почитался Одиссей. Но замѣчательно, что нравственная оцѣнка личности Одиссея въ послѣгомеровское время не только понизилась, но прямо претерпѣла метаморфозу. Одиссей выступаетъ какъ трусливый, лживый и коварный человѣкъ. Создалось сказаніе, что, когда Паламедъ явился въ Итаку за Одиссеемъ, чтобы привлечь его къ походу подъ Трою, Одиссей притворился сумасшедшимъ. Его нашли папущимъ поле и сѣющимъ соль. Паламедъ велѣлъ положить подъ плугъ маленькаго Телемаха. Увидѣвъ опасность для сына, Одиссей отбросилъ плугъ, изъ чего открылось, что онъ вовсе не сумасшедшій. Миѣ рассказываетъ, что впослѣдствіи Одиссей отмстилъ Паламеду, онъ представилъ его при помощи фальшиваго письма измѣнникомъ, подкупленнымъ Пріамомъ. Паламедъ погибъ. Но миѣологія приписала Паламеду много великихъ и идеальныхъ чертъ, отчего конечно образъ Одиссея проигралъ еще болѣе ²⁾.

Съ понятіемъ героя соединяется прежде всего представленіе о воинской доблести, мужествѣ и смѣлости. Но греческій культъ героевъ захватывалъ далеко не однихъ смѣлыхъ вождей. Почитались какъ герои и тѣ, которые воспѣвали героевъ. Почитались пѣвцы Орфей и Линъ. Съ именемъ Орфея связывается представленіе не только какъ о великомъ пѣвцѣ, но и какъ о создателѣ цѣлаго религіознаго

¹⁾ Павзанія, *op. cit.* IV, 23 10. стр. 416.

²⁾ *Odysseus, Palamedes* (Roscher, *op. cit.* 3/1, 622—681 и 1264—1273).

направленія, о которомъ у насъ будетъ спеціальная рѣчь. Линъ былъ пѣвцомъ равнявшимся въ искусствѣ пѣнію Аполлону, за что будто бы Аполлонъ и убилъ его ¹⁾. Лишній примѣръ зависти боговъ! Почитались Гомеръ и Гезіодъ, Архилахъ, Пиндаръ, Эсхиль и Софокль. Почитались законодатели и мудрецы—Ликургъ, Хилонъ, Віасъ, Залевкъ, Харондасъ, Діоклесь (ему воздавали божескія почести въ Сиракузахъ). Знаменитые врачи въ благодарной памяти народа превращались въ чудесно исцѣлявшихъ чудотворцевъ. Врачебное искусство, какъ и вообще наука и искусство въ древности, ставилось въ тѣснѣйшую связь съ божествомъ. Изъ врачей почитались Аристоммахъ, Гиппократъ. Греки цѣнили все выдающееся, въ какой бы сферѣ оно ни проявилось и ихъ не смущало религіозное почитаніе даже и того, что повидимому не сходилось съ религіей. Абдериты смотрѣли на Демокрита, какъ на нѣкоего бога. Аристотель воздвигъ алтарь Платону. Жители Стагиры поставили святилище Аристотелю за то, что онъ побудилъ Александра перестроить ихъ городъ. Любопытно это языческое почитаніе Аристотеля сопоставить съ тѣмъ фактомъ, что въ средніе вѣка въ Сорбоннѣ поднимался вопросъ о его канонизаціи. По свидѣтельству Эпикура у учениковъ существовалъ обычай чествовать ежегодно память учителя въ день его рожденія. Совершавшіяся въ этихъ случаяхъ *εναρίσματα* (жертвоприношенія по умершемъ) сообщали этимъ празднествамъ характеръ героическаго культа. На могилѣ Платона въ опредѣленные дни совершались возліянія, которыя полагались героямъ ²⁾.

За совершеніе подвига, даже за попытку къ нему тѣмъ, кто поднимался на подвигъ, воздавали почести какъ герою. Аѳиняне почитали Гармодія и Аристокитона, которые назывались *τυραννοκτόνοι*—тиранноубійцы. Они пытались свергнуть тираннію Гиппарха и Гиппія, но имъ удалось убить лишь Гиппарха (іюль 514 до Р. Х.). Они погибли. Сверженіе тиранніи совершилось послѣ, но благодарная память почтила тѣхъ, кто началъ дѣло этого сверженія. Греческая исторія знаетъ и почитаніе живыхъ людей. Спартанскій полково-

¹⁾ Павсания, *op. cit.* IX, 29, 6—7. стр. 722.

²⁾ Deneken, *Heros* (Roscher *op. cit.* 1, 2441—2589). Hild, *Heros* (Daremb. et Saglio, *op. cit.* ³/₁. p.p. 139—155).

дець Лизандръ, одержавшій во время пелопонесской войны рядъ побѣдъ надъ аеинянами, въ нѣкоторыхъ городахъ почитался, какъ богъ. Ему воздвигали алтари. Какъ понимать это чествованіе? Позволительно думать, что его должно поставить въ связь съ почитаніемъ демоновъ. Мы выше указали, что нѣкоторыя лица трактовались, какъ добрые демоны, можетъ быть вѣрнѣе, какъ тѣсно связанные съ добрыми демонами. Суровый, жестокой и неразборчивый въ средствахъ Лизандръ не принадлежалъ къ добрымъ и благодѣтельнымъ людямъ въ обыкновенномъ смыслѣ, но онъ давалъ побѣды спартамцамъ и утверждалъ спартанское владычество. Съ нимъ какъ бы былъ связанъ демонъ спартанской славы, этотъ демонъ какъ бы вселился въ него. Отсюда религиозное почитаніе Лизандра.

Греки представляли міръ крайне разнообразнымъ и многообразнымъ. Они не мыслили міръ хаотическимъ смѣшеніемъ множества началъ, они мыслили міръ гармоничнымъ, но гармонія тѣмъ выше, чѣмъ больше началъ она въ себѣ объединяетъ. Идея многообразія присущая эллину заставляла его предполагать, что кромѣ боговъ, демоновъ, живыхъ и умершихъ людей на свѣтѣ живетъ еще много различныхъ чувственно-разумныхъ существъ. Таковы—центавры. Ихъ имя *κένταυροι*, *ἑλλοκένταυροι* толкуютъ различно: охотники на быковъ (*κέντῆρι* и *ταῦρος*), конные охотники, кони-охотники. Сначала этимъ именемъ можетъ быть называли жителей одного дикаго Фессалійскаго племени, проводившаго жизнь на лошадяхъ, образъ центавровъ—полулюдей, полуконей былъ созданъ позднѣе. Повидимому представленіе центавра прошло фазы: сначала центавръ самъ по себѣ мыслился только человѣкомъ, затѣмъ приблизительно лѣтъ за 500 до Р. Х. центавровъ стали мыслить, какъ людей-коней, причемъ древнѣйшее искусство изображало ихъ такъ: къ полной фигурѣ человѣка сзади приставлялось тѣло лошади. Наконецъ, въ послѣдней фазѣ искусство на животъ и грудь лошади искусно помѣщало верхнюю часть тѣла человѣка. Миѳология представляетъ намъ два типа центавровъ. Представителемъ одного является Хиронъ, сынъ Крона и Филиры, мудрый воспитатель Кастора, Полидевкта, Ахиллеса, Амфіарая. Онъ былъ другомъ Геракла, который и сталъ невольною причиною его смерти. Или самъ Гераклъ нечаянно ранилъ

Хирона стрѣлою намазанною ядомъ лернейской гидры или Хиронъ самъ, уронивъ стрѣлу, ранилъ себя. Такъ или иначе онъ долженъ былъ умереть. И здѣсь Хиронъ проявляетъ великодушіе, своею смертію онъ приобрѣтаетъ безсмертіе для Прометея. Зевсъ помѣстилъ его между звѣздами въ видѣ стрѣльца. Но вообще центавры характеризуются дикостью и скотскою жадностью къ вину и женщинамъ. Миѣны представляютъ, что они произошли отъ Иксіона, который хотѣлъ обольстить Геру, за что потомъ и былъ подвергнутъ ужаснымъ мученіямъ въ аду. Зевсъ сообщилъ Нефелѣ (облаку) образъ Геры; соединившись съ Нефелой, Иксіонъ и произвелъ центавровъ. Изъ сказаній о центаврахъ много матеріала для искусства далъ миѣ о ихъ борьбѣ съ лапиѣами. Лапиѣи—полумиѣическое племя, жившее по сосѣдству съ центаврами и повидимому то враждавшее съ ними, то вступавшее въ дружественныя сношенія. На свадьбѣ лапиѣа Пиріѣа опьяненный виномъ центавръ Эвритіонъ посягнулъ на честь его невѣсты. Вслѣдствіе этого и произошла битва. Гераклъ поразилъ центавра, покусившагося на честь его жены Діаниры. Впослѣдствіи центавры были введены въ свиту Діониса. Здѣсь они выступаютъ уже не въ такомъ дикомъ видѣ. Ихъ образъ смягченъ, они подчинились власти Діониса ¹⁾.

Иногда въ видѣ центавровъ изображались сатиры. Фигура ихъ козлиная, ростъ человѣческой, заостренныя уши, козлиный хвостъ. Но порою къ ихъ верхней части присоединяютъ лошадиное туловище. Они отличаются отъ центавровъ вообще тѣмъ, что не являются представителями грубой силы, но по своей похотливости они сближаются съ центаврами. Они любятъ вино, музыку, танцы, усердно волочатся за нимфами. Ихъ связь съ лѣсомъ нѣсколько сближаетъ ихъ съ нашими лѣшими.

Близко къ сатирамъ стоятъ силены. Вначалѣ является одинъ Силень, учитель, воспитатель и постоянный спутникъ Діониса. Онъ изображался въ видѣ добродушнаго старика, жирнаго, съ лысиной и широкимъ носомъ, вѣчно пьянаго, держащаго винный мѣхъ. Вслѣдствіе естественной слабости ногъ отъ неумѣреннаго употребленія вина онъ обыкновенно

¹⁾ Roscher, op. cit 2. Kentauren. S s. 1032—1088.

представлялся ѣдущимъ на ослѣ и около него толпятся сатиры. Но это—одна сторона Силеня. По другой своей сторонѣ онъ выступаетъ какъ глубокой мудрецъ, правильно понимающій и чрезвычайно низко цѣнящій все земное. Миѳъ рассказываетъ о немъ, что онъ, сопровождая Діониса въ Индію (походъ Вакха въ Индію), попалъ въ мидійское царство. Мидійскій царь, обрадовавшись случаю побесѣдовать съ мудрецомъ, поставилъ ему вопросъ, что лучше всего для человѣка? Силенъ сначала хотѣлъ было отказаться отъ отвѣта, но потомъ, подумавъ, сказалъ: „созданія злого рока и несносной судьбы, жизнь которыхъ продолжается какой-либо день, зачѣмъ вы заставляете меня говорить вамъ то, чего лучше было бы вамъ не знать вовсе? Несравненно легче жить тогда, когда собственныя бѣдствія мало извѣстны. Для человѣка лучше всего было бы не родиться вовсе, даже въ томъ случаѣ, еслибы ему суждено было принять участіе во всѣхъ благахъ жизни. Ближайшее послѣ рожденія дѣло, которое находится во власти человѣка, заключается въ томъ, чтобы немедленно послѣ рожденія умереть ¹⁾. Поучительно, что греки соединили съ такимъ эпикурейскимъ типомъ такой трагической пессимизмъ, съ вѣшнимъ безобразіемъ такую мудрость. Съ Силеномъ нерѣдко сравнивали Сократа (Ксеноф. Sympos. 5, 7; Плат. Sympos. 32). Отъ Силеня произвели силеновъ. И рядомъ съ похотливыми сатирами благодушно пьяные силены вошли въ свиту Вакха.

Аркадійскій богъ Панъ, о которомъ у насъ была рѣчь, когда мы говорили о догомеровскихъ вѣрованіяхъ, положилъ начало панамъ и панискамъ (молодымъ панамъ). Самъ Панъ, въ которомъ еще чувствовалось нѣчто стихійное, могущественное и великое, уже носить на себѣ черты сатира, паны и паниски усваиваютъ ихъ еще болѣе и вмѣстѣ съ Паномъ, сатирами и силенами окружаютъ веселаго Діониса, веселясь сами и веселя другихъ.

Близко къ Пану, хотя и въ сторонѣ отъ него стоитъ Пріапъ (*Πρίαπος*), покровитель козъ, овецъ, покровитель рыболовства, пчеловодства, садоводства и винодѣлія, покрови-

¹⁾ Nägelsbach, Die nachhomerische Theologie d. griechisch. Volksglaub. bis auf Alexander. 1857. S. 228 (по Цицер., Тускуланск. разсужд. 1, 48, 114). Срав. Н. П.—Древне-греческія мистеріи (Вѣра и Разумъ. 1900, № 11, стр. 496 и 497)

тель сладострастія и чувственныхъ наслажденій. Съ этой послѣдней стороны его образъ и разработанъ наиболѣе въ миеологіи и въ искусствѣ. Его изображенія, обычно ставившіяся въ садахъ, представляли мужчину съ возбужденнымъ fallus'омъ, въ длинной одеждѣ, съ большой бородой и плодами на груди. Его культъ вышелъ изъ Лампсака (въ Мизіи), гдѣ по преданію его произвела на свѣтъ Афродита, культъ распространился по Греціи и перешелъ въ Италію.

Страхъ олицетворенный самъ, какъ богъ или демонъ, побудилъ греческое воображеніе создать цѣлый циклъ чудовищныхъ образовъ грозящихъ благополучію людей. О нихъ говорятъ уже Гомеръ и Гезіодъ, но въ послѣдующее время фантазія и искусство болѣе тщательно разработали ихъ образы. Таковы—горгоны, изъ которыхъ особенно извѣстны медузы, крылатыя, страшныя существа съ ужаснымъ взоромъ превращающимъ людей въ камни, съ змѣями вмѣсто волосъ и вмѣсто пояса. Такова Эмпуса (*Empusa*)—ночное привидѣніе съ ослиными ногами. Эмпуса принадлежала къ свитѣ Гекаты. Эмпуса уносила маленькихъ дѣтей. Не зная сама наслажденій любви, она высасывала кровь у красивыхъ юношей, являясь имъ въ образѣ прекрасной женщины. Съ тѣми же свойствами, какъ и Эмпуса, являются мормолики и ламіи.

Но страшное могло и переставать быть страшнымъ. Эриніи, мстящія за преступленія, прекращая преслѣдованія, становятся эвменидами—благоволящими богинями. Пегасъ—крылатый конь сначала дикій, возникшій изъ крови Медузы обезглавленной Персеемъ, потомъ былъ укрощенъ Аѳиной, служилъ Беллерофонту въ борьбѣ съ чудовищами, основался на Олимпѣ, какъ прислужникъ Зевса, и еще оказался въ обществѣ музъ, какъ сообщающій поэтическое вдохновеніе.

Въ ряду миеологическихъ образовъ особнякомъ у грековъ стоитъ Фениксъ (*Phoenix*). Фениксъ—не греческаго, а египетскаго происхожденія. У египтянъ была священная птица Венну (*ardea cinerea* или *purpurea*—хохлатая или благородная цапля), она символизировала собою умираніе и возрожденіе солнца, причемъ кромѣ ежедневнаго восхода и захода, солнце ежегодно возвращается къ тѣмъ же положеніямъ и наконецъ возвращается къ тождественнымъ положеніямъ, при которыхъ фазы луны, числа и дни снова совпадаютъ, черезъ

столѣтія. Эти циклы или круговороты символизировала Венну ¹⁾. Греки превратили Венну въ Феникса. Первый о Фениксѣ рассказываетъ Геродотъ (Истор. 11, 73 и слѣд.). Онъ представляетъ его похожимъ на орла, прилетающимъ черезъ каждыя пятьсотъ лѣтъ изъ Аравіи въ Геліополь хоронить своего отца, заключеннаго въ яйцо. Эрокъ у различныхъ послѣдующихъ писателей варьируетъ. По другимъ представленіямъ фениксъ самъ прилетаетъ умирать въ Геліополь. Его сожигаютъ въ благовопіяхъ, но изъ пепла онъ возрождается вновь сначала въ видѣ гусеницы, затѣмъ постепенно становится птицеобразнымъ и, достигнувъ на 40-ой день полнаго развитія, улетаетъ въ Аравію. У египтянъ Венну имѣла эсхатологическое значеніе, превращенная у грековъ въ Феникса она повидимому играла здѣсь только роль символа цикличности, перерожденій (переселенія души) и возрожденій (въ загробномъ мірѣ).

Въ этомъ многообразномъ мірѣ странныхъ и могущественныхъ существъ могъ ли грекъ быть чѣмъ-либо инымъ кромѣ какъ игрушкою высшихъ силъ, борющихся между собою изъ-за него? Въ общемъ греческая мысль рѣшительно утверждала, что человѣкъ могъ быть тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ. Злой демонъ не могъ направить человѣка на зло вопреки волѣ человѣка. Рассказываютъ, что физиогномистъ Зопиръ, встрѣтивъ однажды Сократа, когда онъ бесѣдовалъ съ своими учениками, всмотрѣвшись въ черты лица философа, началъ утверждать, что Сократъ по своей природѣ имѣлъ дурныя склонности. Ученики Сократа стали смѣяться надъ Зофиромъ. Но Сократъ остановилъ смѣхъ, заявивъ, что Зопиръ правъ. Онъ—Сократъ имѣлъ въ себѣ дурныя склонности, но заглушилъ ихъ силою воли. Этотъ рассказъ характеренъ, какъ выраженіе вѣры въ силу человѣческой воли. Человѣкъ не можетъ устроить своего счастья, создать свое благополучіе, не можетъ продлить своей жизни, не можетъ даже уклониться отъ того, чтобы не совершить невольнаго преступленія, но человѣкъ можетъ создать самого себя, переработать свои склонности и настроенія.

Человѣкомъ могутъ быть осуществляемы *vóμoi θεῶν*—божественные законы. Эти законы созданы на олимпѣ, а не

¹⁾ С. Глаголева, Очерки по истор. религ. Ч. 1. стр. 118.

на землѣ. Человѣку они открываются въ его совѣсти Дельфійскій оракулъ эти законы формулировалъ въ пяти заповѣдяхъ: *δαιοσύνη* (набожность), *δικαιοσύνη* (справедливость), *σοφία* (мудрость), *σοφροσύνη* (благоразуміе), *ἀνδρεία* (мужество). По отношенію къ богамъ обязанности человѣка опредѣляются терминомъ *εὐσέβεια*—благочестіе. Съ внѣшней стороны человѣкъ долженъ приносить богамъ жертвы и молитвы, со стороны внутренней онъ долженъ быть настроенъ по отношенію къ нимъ благоговѣнно. Пиндаръ молилъ, чтобы боги ему при составленіи его одъ внушали благочестивый страхъ. Пиндаръ, отвергавшій нечестивыя сказанія о богахъ и старавшійся говорить о нихъ лишь хорошее, допускалъ однако, что богамъ присуща зависть—*φθόρος*, но по его мысли она повидимому заключалась въ томъ, что боги не допускаютъ, чтобы смертные нарушали законы и переходили предѣлы установленные безсмертными. Такъ когда Асклепій сталъ воскрешать людей, нарушая тѣмъ законъ объ участи смертныхъ, Зевсъ поразилъ его молніей. Такъ карались люди, державшіе соперничать съ богами. Съ точки зрѣнія Пиндара и тѣхъ, кто смотрѣлъ, какъ они, эти люди колебали міровой строй, угрожали общему благополучію.

Обязанности по отношенію къ себѣ и людямъ опредѣлялись терминомъ *σοφροσύνη*—благоразуміе. Человѣкъ долженъ быть воздержанъ, справедливъ къ другимъ, оказывать милости нуждающимся. Мы будемъ особо говорить и о культѣ и о морали грековъ, теперь мы отмѣчаемъ то, что стоитъ въ непосредственной связи съ богословіемъ. Мораль грековъ, какъ вообще мораль древнихъ, была націоналистична и какъ и всякая древняя мораль дифференцировала обязанности по отношенію къ людямъ различнаго происхожденія, возраста, пола и общественнаго положенія. Обязанности по отношенію къ отечеству и по отношенію къ предкамъ всецѣло трактовались какъ религіозныя. Какъ на высшую норму греческой морали указываютъ на слова Исократы: „если что-либо будучи вамъ причинено, васъ сердить, не дѣлайте этого другимъ“ (*ἂ λάβοιεντες ἀφ' ἐτέρων ὀργίζεσθε, ταῦτα τοῖς ἄλλοις μὴ ποιεῖτε*. Сравн. Товита IV, 15: „что ненавистно тебѣ самому, того не дѣлай никому“). Это правило сближаютъ и хотятъ отождествить съ заповѣдью Христа: „какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними“ (Ме.

VII, 12). Но на самомъ дѣлѣ мысль Исократы заключается только въ томъ, что не должно обижать другихъ, недолжно быть несправедливымъ къ другимъ. Отсюда далеко до евангельской заповѣди.

Религіозныя и общественныя обязанности опредѣлялись традиціею и совѣстью. Нарушеніе религіозныхъ обязанностей являлось грѣхомъ—*ἕβρις*. Слово, значитъ, гордость, дерзость. Въ сознательномъ нарушеніи божественной воли, конечно, сказывается гордость и дерзость. Такое нарушеніе есть отрицаніе боговъ, поэтому оно есть *ἄθεον*—безбожное, атеистичное. Но всякая попытка идти противъ воли боговъ на самомъ дѣлѣ тщетна. Въ концѣ концовъ противящійся богамъ получить жестокою кару, а воля боговъ восторжествуетъ. Поэтому *ἕβρις* или грѣхъ, являясь съ религіозно-нравственной стороны какъ нѣчто *ἄθεον*, со стороны метафизической является, какъ нѣчто *μῆτιον*—пустое, тщетное. Затеваѣть нелѣпныя дѣла свойственно глупому, безумному. Положимъ, люди, разгнѣвавшись на боговъ, живущихъ на небѣ, стали кидать камни на небо въ надеждѣ поразить небожителей, въ концѣ концовъ камни упали на головы тѣхъ, кто ихъ бросалъ. Здѣсь религіозное преступленіе нашло естественную кару въ самомъ себѣ. Но преступленіе было совершено по безумію, однако безумію, такъ сказать, свободному только допущенному богами. Здѣсь передъ нами *θεοβλάβεια*—отнятіе у человѣка ума богомъ (*θεοβλαβής*—*cui deus mentem eripuit*), но только въ томъ смыслѣ, что богъ не воспрепятствовалъ человѣку сдѣлать безумное дѣло. Но часто *θεοβλάβεια* посылалась человѣку въ наказаніе за содѣянный ихъ грѣхъ: безуміе въ собственномъ смыслѣ было не причиною преступленія, а наказаніемъ за него.

Вообще кары постигавшія человѣка за грѣхъ были многообразны. Но кара не была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ грѣха. Человѣкъ могъ раскаяться въ совершенномъ ихъ грѣхѣ. Онъ долженъ бы тогда стараться умиловить боговъ жертвами и молитвами. Если его жертвы и молитвы принимались; онъ избѣгалъ кары, онъ становился прощеннымъ. Этотъ актъ сталъ называться *ἱκανός*. Но прошеніе не дѣлаетъ еще человѣка невиннымъ. Онъ остается грѣшнымъ. На немъ имѣется пятно (*μάκρᾱ*) грѣха. Чтобы избавиться отъ этого пятна, должно быть употреблено очищеніе (*κάθαρσις*). Очи-

щеніе совершалось при опредѣленныхъ обрядахъ водою, кровью, даже человѣческой кровью. Полагаютъ, что въ древности въ жертву Аполлону левкательскому, которая приносилась за весь народъ, сбрасывали со скалы въ море преступнаго человѣка. Съ этимъ ставятъ въ связь преданіе о Сафо будто бы бросившейся со скалы въ море ¹⁾. Своеобразнымъ и загадочнымъ способомъ очищенія отъ убійства является *μασχαλισμός*. Это слово происходитъ отъ *μασχάλη* — подмышка и обозначаетъ собою дѣйствіе состоявшее въ томъ, что убійца отрѣзывалъ убитому оконечности рукъ и ногъ и клалъ ихъ подъ подмышки. Этимъ актомъ убійца надѣялся избѣжать преслѣдованія. Такъ по Эсхилу и Софоклу былъ *μασχαλισθή* Агамемнонъ (Хоеф. 439; Электра 445). Трудно понять смыслъ этого ужаснаго акта. Роде пытается поставить его въ связь съ культомъ предковъ. При погребеніи убитаго въ могилу его втыкали копье. Этимъ выражалось что родственники принимаютъ на себя обязанность отмстить убійцѣ, но древнѣйшій и прямой смыслъ могъ быть тотъ, что копье давалось убитому, чтобы онъ самъ поразилъ убійцу. Теперь, если у его тѣла будутъ отрѣзаны руки и ноги, ему нечѣмъ будетъ схватить копье. Убійца окажется въ безопасности ²⁾.

Развившееся нравственное сознание поднялось до мысли, что въ очищеніи нуждается не только преступное пролитіе, но и всякое пролитіе крови. Это выразилось въ мнѣніи объ Аполлонѣ и въ его культѣ. Аполлонъ поразилъ пиеона — дракона, жившаго въ Дельфахъ. Пиеонъ олицетворялъ собою темное, злое начало, но однако совершенное убійство и притомъ убійство въ борьбѣ Аполлонъ долженъ былъ искупить продолжительными покаянными подвигами. Нѣкоторые ставятъ съ этимъ въ связь пребываніе Аполлона въ служеніи у Адмета. Аполлонъ получилъ очищеніе въ своей дельфійской лавровой рошѣ. Черезъ каждые девять лѣтъ въ Дельфахъ праздновался праздникъ вѣнковъ, на которомъ воспроизводилась въ драматической формѣ борьба Аполлона съ пиеономъ. Мальчикъ, изображавшій Аполлона, послѣ того какъ убивалъ пиеона, долженъ былъ бѣжать въ свя-

1) Preller, Griechisch. Mythol. Vierte Auflage 1/1, S. 259—260.

2) Rohde, Psyche. Dritte Auflage. 1, S. 277, 322—326.

щенную рощу, гдѣ его очищаль, такъ сказать, самъ Аполлонъ и гдѣ его голову увѣнчивали лавровымъ вѣнкомъ ¹⁾).

Какъ бы ни было глубоко преступленіе, оно могло быть искущено, если для него имѣлись серьезные мотивы и если совершившій его достаточно пострадалъ. Греческая трагедія выразила это въ Орестѣ. Орестъ, сынъ Агамемнона и Клитемнестры. Клитемнестра убила Агамемнона и Оресту грозила опасность, что мать устранить его съ дороги, чтобы обезпечить тронъ за своимъ возлюбленнымъ Эгистомъ. Но Электра, дочь Клитемнестры, отправила брата въ безопасное мѣсто. Черезъ восемь лѣтъ послѣ смерти отца Орестъ возвратился на родину въ Микены и убилъ Клитемнестру и Эгиста. Онъ совершилъ мщеніе по повелѣнію Аполлона. Но за ужасное злодѣяніе матереубійства онъ долженъ былъ быть наказанъ. Его охватило бѣшенство и его преслѣдовали Эриннии. Послѣ долгихъ блужданій Орестъ нашель себя убѣжище у богини Аѣины. Аѣина сама передала его дѣло на судъ аѣинскаго ареопага, причемъ Аполлонъ выступилъ его защитникомъ. При подачѣ голосовъ Аѣина опустила въ урну бѣлый, оправдательный камень. Число камней за оправданіе и осужденіе оказалось одинаковымъ, Орестъ былъ оправданъ и Эриннии превратились въ эвменидъ. Такъ представляетъ намъ дѣло Эсхиль въ своей трилогіи Орестія, заключающей въ себя три трагедіи: Агамемнонъ, Хорѣфоры и Эвмениды.

Рядомъ съ идеею правды въ греческомъ сознаніи установилась идея милости, прощенія. Изъ приведеннаго выше разсказа о Сократѣ уже видно, что для учениковъ его представлялась странною мысль, что человѣкъ, родившійся съ дурными наклонностями, можетъ стать хорошимъ. Рядомъ съ идеею свободы и силы воли у грековъ жила идея слабости и безсилія человѣка. Если въ біографіи Демосоеена мы читаемъ о необычныхъ подвигахъ воли человѣка преодолѣвшаго цѣлый рядъ естественныхъ препятствій мѣшавшихъ ему стать ораторомъ, то съ другой стороны божества или демоны душевныхъ настроеній подсказываютъ намъ, а часто уже у Гомера мы находимъ эту мысль ясно выраженною, что добрыя и темныя движенія души человѣка зависятъ не отъ него, а отъ высшихъ силъ. Посейдонъ внушилъ женѣ

¹⁾ Preller, op. cit. 1/1, 287—289.

Миноса противоестественную страсть къ быку. Афродита и Эротъ возбуждали въ людяхъ любовную страсть, приводящую къ преступленіямъ. Если это такъ, то тѣмъ болѣе человѣкъ заслуживаетъ прощенія. Но не только человѣкъ слабъ. Греческая мысль идетъ далѣе. Человѣкъ грѣшенъ по самой своей природѣ. *ἄβρις, ἢ θεμις ἐστὶ καταθνητῶν ἀνθρώπων*, Нумп. Ароі. 541. Гнѣвъ и зло сильнѣе въ немъ, чѣмъ любовь къ правдѣ. Совершенно добродѣтельнаго человѣка нѣтъ ни одного. У цѣлаго ряда поэтовъ и философовъ развиваются эти положенія, и въ концѣ концовъ Ямвлихъ устанавливаетъ его какъ ученіе (посредствомъ слышанія—*ἄκουσμα*) Пифагора: *τί ἀληθέστατον λέγεται; ὅτι ποιητοὶ οἱ ἄνθρωποι* ¹⁾. Въ такомъ случаѣ съ людей можно спрашивать немного.

Между пессимистическимъ детерминизмомъ и двойственнымъ индетерминизмомъ, открывающимъ равно свободный выходъ къ добру и злу, колебалось сознаніе. Но судьба—эта древняя *μοῖρα*—какую роль она играла въ добрыхъ и злыхъ начинаніяхъ человѣка? Разработанный въ цвѣтущее время греческой трагедіи миѳъ объ Эдипѣ даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Фиванскій царь Лай оплатилъ царю Пизы Пелопсу неблагодарностью, уведя у него сына Хризиппа. Пелопсъ проклялъ Лая, пожелавъ ему погибнуть отъ руки собственнаго сына. Лай, женатый на Иокастѣ, былъ бездѣтенъ. Моля о чадородіи, онъ обратился къ дельфійскому оракулу, Аполлонъ отвѣтилъ:

Лай, сынъ Лабдака! ты молишь боговъ даровать тебѣ сына;
 Боги исполнять прошенье, но вѣдай: сыновней рукою
 Жизни ты будешь лишень—по волѣ Кроніона Зевса;
 Такъ положилъ Зевсъ Кроніонъ—да Пелопса клятва свершится.

Когда Иокаста родила сына, Лай связалъ ему ноги, прокололъ ступни и приказалъ, чтобы младенецъ былъ брошенъ въ пустынныхъ киѳеронскихъ высотахъ. Рабъ вмѣсто того, чтобы исполнить приказаніе, передалъ младенца другому рабу—пастуху коринѳскаго царя Полиба, пастухъ передалъ его Полибу. Бездѣтный Полибъ назвалъ младенца Эдиномъ

¹⁾ Nägelsbach, Nachhomer Theolog. S 322—324 У него же о благочестіи, добродѣтели и грѣхъ вообще. 73—78, 191—370.

(пухлоногимъ) и усыновилъ его. Эдипъ считалъ себя сыномъ Полиба, но когда онъ уже выросъ, ему на пиру было брошено слово: подкидышъ. Никто не объяснилъ ему смысла оскорбительнаго прозвища. Эдипъ за разрѣшеніемъ сомнѣній отправился въ Дельфы. Оракуль не отвѣтилъ ему на вопросъ, но предсказалъ, что онъ убьетъ отца, женится на собственной матери и сдѣлается отцомъ ненавистнаго людемъ рода. Считая себя сыномъ царской коринѣской четы, Эдипъ рѣшилъ не возвращаться въ Коринѣ, чтобы не исполнилось пророчество. Во время своихъ странствованій на одномъ перепутьи Эдипъ столкнулся съ проѣзжавшимъ Лаемъ. У нихъ завязалась ссора. Эдипъ убилъ Лая и всѣхъ его спутниковъ за исключеніемъ одного успѣвшаго убѣжать раба. Вскорѣ послѣ этого Эдипъ прибылъ къ Фивамъ. Около Фивъ тогда поселился сфинксъ, который загадывалъ всѣмъ проходившимъ загадки и пожиралъ ихъ за неумѣнье отгадывать. Эдипъ разрѣшилъ загадку сфинкса, и сфинксъ, которому было опредѣлено—не жить, если смертный разрѣшитъ его задачу, въ отчаяніи бросился со скалы. Благодарные еивяне провозгласили Эдипа царемъ въ мѣсто погибшаго Лая и отдали ему руку вдовѣвшей Іокасты. Іокаста родила Эдипу двухъ сыновей—Полиника и Этеокла—и двухъ дочерей—Антигону и Исмену. Но вотъ Фивы начинаютъ подвергаться бѣдствіямъ. Оракуль открылъ, что причиною этого является то, что среди еивянъ живетъ убійца Лая, котораго нужно или предать смерти или изгнать изъ страны. Стали искать убійцу. Прорицатель Тирезій, зная истину, не хотѣлъ открывать ее Эдипу, но когда между ними произошла ссора, онъ бросилъ въ лицо Эдипу горькую истину, что онъ и есть тотъ убійца, котораго самъ ищетъ. Эдипъ не вѣритъ. Начинается разслѣдованіе дѣла. Находятъ раба, который спасся при смерти Лая и который былъ тѣмъ самымъ, которому было поручено бросить маленькаго Эдипа въ пустынь. Раньше этотъ рабъ рассказывалъ, что Лая и спутниковъ убили разбойники, стыдясь признаться, что всѣхъ ихъ одолѣлъ одинъ человѣкъ. Этотъ рассказъ, какъ равно всеобщее убѣжденіе въ давнишней смерти сына Лая долго препятствовали выяснить истину. Но наконецъ послѣ уклоненій и колебаній рабъ открылъ ее. Іокаста удавилась. Эдипъ выбилъ себѣ глаза золотыми пряжками съ ея одежды. Фивяне изгнали

Эдипа изъ своей страны. Его сопровождала Антигона. Послѣ долгихъ страдальческихъ скитаній Эдипъ пришелъ въ мѣстечко Колонъ, около Аѳинъ, въ священную рощу эвменидъ. Здѣсь его нашель и дружественно къ нему отнесся царствовавшій тогда въ Аѳинахъ Тезей. Здѣсь согласно оракулу Эдипъ нашель послѣднее успокоеніе. Его смерть видѣлъ и его могилу зналъ только Тезей, но согласно прорицаніямъ невѣдомая могила Эдипа стала охраною аттической земли. Между сыновьями Эдипа Полиникомъ и Этеокломъ возгорѣлась борьба изъ за обладанія Фивами. Этеокль былъ въ Фивахъ, Полиникъ привелъ чужеземныя войска подъ стѣны Фивъ, борьба кончилась тѣмъ, что братья убили другъ друга въ единоборствѣ. За попытку совершить погребальный обрядъ надъ Полиникомъ жизнью поплатилась Антигона. Впослѣдствіи Имена была убита по внушенію Аѳины. Такъ погибъ злополучный родъ Лая. Миѣвъ объ Эдипѣ главнымъ обрядомъ разработалъ Софокль (царь Эдипъ, Эдипъ въ Колонѣ, Антигона), но касались его и Эсхиль (семеро противъ Фивъ) и Эврипидъ (финикіянки, просительницы).

Сказанія о Эдипѣ представляютъ намъ попытки людей бороться съ судьбою и безсиліе этихъ попытокъ. Здѣсь даже какъ бы выступаетъ иронія судьбы. Судьба достигаетъ исполненія своихъ опредѣленій именно благодаря тому, что люди пытаются идти противъ этихъ опредѣленій. Еслибы Лай и Эдипъ не принимали мѣръ къ тому, чтобы не исполнилось пророчество, оно бы повидимому не могло исполниться. Но они конечно не приняли бы никакихъ мѣръ, еслибы не знали пророчества. Пророчество затѣмъ и было дано, чтобы попытки воспрепятствовать его осуществленію, привели къ этому осуществленію. Здѣсь кромѣ ироніи судьбы выступаетъ какъ бы ея жестокость и несправедливость. Судьба заставляетъ человѣка противъ его воли совершить преступленіе и затѣмъ караетъ его за это противовольное преступленіе. Судьба является какъ бы утонченно жестокимъ тиранномъ, она не только терзаетъ человѣка, посылая ему всевозможныя бѣды и страданія, ею отнимаются у человѣка его повидимому неотъемлемыя качества—и *εὐδαιμονία* и *σωφροσύνη*. И эта судьба, какъ ясно свидѣтельствуетъ Софокль, является волею Кроніона Зевса.

Однако если всмотрѣться и вникнуть въ сказанія глубже,

то можно вынести и иное впечатлѣніе. Судьба, вѣдь, не посягнула на характеръ героевъ одной изъ величайшихъ драмъ въ исторіи человѣчества. Благородный Эдипъ, кроткая Исмена, непоколебимая и способная на всякія лишенія и страданія Антигона во всѣхъ перипетіяхъ драмы остаются возвышенными нравственными характерами. Нельзя сказать, чтобы и жизнь Эдипа слагалась изъ однихъ страданій. Онъ зналъ не мало счастливыхъ годовъ и въ Коринѣ и въ Фивахъ. Но онъ и жестоко страдалъ. Думается однако, что его страданія съ точки зрѣнія религіозной правды не могутъ вызвать тѣхъ недоумѣній, которыя естественно вызываютъ страданія Іова. Аполлонъ изрекъ опредѣленіе о судьбѣ Эдипа. Что же дѣлаетъ Эдипъ? вмѣсто того, чтобы молить Бога объ отвращеніи отъ него ужасной судьбы, Эдипъ вступаетъ въ борьбу съ богомъ, хочетъ перехитрить провидѣніе. Тогда *φρόνος θεῶν* является естественно. Родъ Лая получилъ жестокаго кары частію за преслушанія въ сферѣ человѣческихъ отношеній, частію за попытки бороться съ богами. Но наказавъ Эдипа, боги наконецъ въ роцѣ Эвменидъ примиряютъ его съ собою. Мало этого. По волѣ боговъ Эдипъ становится охранителемъ Аттики. Его чтутъ какъ героя. Фивы, отвергнушія его, получаютъ возмездіе, и тѣмъ выражается мысль, что люди не могутъ карать за невольное преступленіе. Трагики сгустили краски въ изображеніи судьбы и страданій Эдипа. По древнѣйшимъ мѣтамъ онъ имѣлъ дѣтей не отъ Локасты, сыновья и дочери его не были плодомъ кровосмѣшенія ¹⁾. Но сгустивъ краски, трагики попытались найти удовлетвореніе нравственному человѣческому чувству въ конечной судьбѣ героя. Здѣсь однако не должно видѣть личные вкусы поэтовъ V-го вѣка. Эдипъ былъ почитаемъ, какъ герой, много раньше. Почитались и Антигона и Исмена. Такимъ образомъ невинно страждавшая добродѣтель восторжествовала. Нельзя сказать, чтобы принципъ возмездія въ исторіи Эдипа раскрылся съ полною опредѣленностію. При неясности ученія о безсмертіи нельзя сказать, чтобы и конечное торжество добродѣтели представлялось не вызывающимъ недоумѣній и вполнѣ удовлетворяющимъ нравственное чувство. Но во всякомъ случаѣ въ мѣтахъ объ Эдипѣ прохо-

¹⁾ Roscher, op. cit. 3/1. Oidipus. 700—746.

дять два начала: тонкое знаніе настоящаго, въ которомъ перемѣшаны добро и зло, страданія и счастье въ совершенно необъяснимыхъ сочетаніяхъ, и неособенно твердая вѣра въ будущее, что въ немъ должно восторжествовать добро и исчезнуть зло. Ограниченный моралистъ конечно могъ передѣлать исторію Эдипа такъ, что получилось бы, что провидѣніе всегда благо и человѣкъ всегда не правъ. Но въ неизмѣримомъ числѣ случаевъ человѣкъ не знаетъ и не понимаетъ путей провидѣнія. Геніальные поэты понимали свое непониманіе и поэтому они не дали яснаго и прямолинейнаго рѣшенія религіознонравственной проблемы.

Въ сознаніи культурныхъ эллиновъ созрѣла идея, что между счастьемъ и добродѣтелью должно быть соотвѣтствіе. Дѣламъ человѣка должна соотвѣтствовать его судьба. Человѣкъ долженъ получить возмездіе. Но рядомъ съ мыслью о возмездіи должно было стать сознаніе слабости и преступности человѣка. Древніе вѣдь знали то, что впоследствии сказала Гамлетъ: „если съ каждымъ обращаться по его заслугамъ, то кто же можетъ избавиться отъ бича“ (use every man after his desert, and who should 'scape whipping)! И греки въ принципѣ пришли къ правилу Гамлета: „должно обращаться съ каждымъ сообразно собственной чести и достоинству“ (use them after your own honour and dignity). Нужно быть великодушнымъ. Злымъ и преступнымъ людямъ должно давать возможность исправиться. И вотъ рядомъ съ вѣрою въ возмездіе мы находимъ выраженіе вѣры, что преступникамъ дается возможность искупить и загладить свои преступления. То и другое мы находимъ выраженнымъ у Пиндара. „Для тѣхъ изъ умершихъ, говоритъ онъ, которые здѣсь на землѣ, имѣя преступную душу, совершали злодѣянія, скоро получается наказаніе тамъ, въ преисподней. Ибо всякое нечестивое преступленіе, сдѣланное здѣсь въ царствѣ Зевса, судить Нѣкто въ преисподней, произнося свой судъ согласно справедливости суроваго рока. Напротивъ, всегда одинаково, въ дни и ночи равно освѣщаемые солнечнымъ свѣтомъ, живутъ тамъ праведники безпечальною жизнью: не взрываютъ они ни земли при помощи силы рукъ своихъ, ни волнъ морскихъ ради пропитанія, но у служителей боговъ живетъ тотъ, кто здѣсь свято держалъ клятву вѣрности,—живетъ жизнью стоящею выше слезъ и печалей, тогда какъ злые претерпѣваютъ

тамъ мученія ужаснаго вида. Однако тѣ, которые во время трехкратнаго повторенія жизненнаго пути твердо сохраняли духъ свой свободнымъ отъ всякаго преступленія, переселяются наконецъ ко дворцу Кроноса, гдѣ островъ блаженныхъ обвѣваютъ прохладныя дуновенія океана, гдѣ золотыя цвѣты сіяютъ, показываясь изъ почвы или съ блестящихъ деревьевъ, тогда какъ вода питаетъ другіе. Вѣнками и букетами изъ нихъ оплетаютъ они свои локоны и руки... Таковъ жребій блаженныхъ согласно справедливымъ рѣшеніямъ Радоманта, котораго отецъ Кроносъ избралъ себѣ въ дѣятельные помощники,—Кроносъ, супругъ Реи, которая между всѣми богинями одна сидитъ на высочайшемъ тронѣ. Пелей и Кадмъ заботливо воспитываются тамъ же, и Ахиллеса перенесла туда его мать, послѣ того какъ своими просьбами успѣла пріобрѣсти благорасположеніе Зевса для него, который ниспровергъ опору Трои—Гектора и предаль смерти Кикна и сына Зари Эѳіопа“... (11 Олимп. ст. 104—149)¹⁾. То, что праведныхъ ожидаетъ блаженство, у Пиндара выражено ясно, но нельзя того же сказать о его рѣчи относительно грѣшниковъ. Невидно—всѣмъ ли грѣшникамъ предоставляется возможность искупить свои грѣхи, и неясно, какимъ образомъ они должны совершать это дѣло искупленія. Приведенное мѣсто изъ 11 оды сближаютъ съ нѣкоторыми сохранившимися фрагментами отъ Пиндара, но это сближеніе, пожалуй, еще болѣе запутываетъ дѣло. Приводятъ такой фрагментъ. „Души тѣхъ, отъ которыхъ Персефона уже приняла очищеніе древняго грѣха, посылаетъ она въ девятомъ году снова къ надземному солнцу, на землю; изъ нихъ возрастаютъ тогда благородные князья, высокоодаренные мудростью и силою люди; впослѣдствіи называютъ ихъ святыми героями. Выраженіе во второй одѣ о трехкратномъ повтореніи жизненнаго пути обычно толкуютъ въ смыслѣ вѣры въ метампсихозисъ, т. е. въ переселеніе души. Согласно такому толкованію грѣшникъ долженъ три раза возродиться на землѣ, три раза прожить праведною жизнію и тогда онъ приблизится ко дворцу Кроноса. Смыслъ приведеннаго фрагмента повидимому тотъ, что послѣ девятилѣтняго пребыва-

¹⁾ Миронова, Картины загробной жизни въ греческой живописи на вазахъ. стр. 67—68, см. еще далѣе 69—70.

нiя въ адѣ очищенный грѣшникъ сразу возрождается въ высшей человѣческой формѣ. Должно установить, что ученiе о переселенiи души, будучи общимъ у арiйцевъ Индiи, въ Греции было достоянiемъ отдѣльныхъ философовъ и религiозныхъ общинъ, не не общегреческимъ. И въ словахъ Пиндара нужно видѣть отзвукъ специальныхъ ученiй, но то обстоятельство, что Пиндаръ излагалъ свои взгляды публично и догматически, утверждаетъ въ мысли, что основное положенiе Пиндара объ искупленiи грѣшника посредствомъ очищенiя и какого то возрожденiя и жизни въ новой формѣ было широко распространеннымъ и широко прiемлемымъ. Раскрыть его мысль яснѣе не представляется возможнымъ.

Представленiя о жизни за гробомъ развивались на фонѣ гомеровскихъ пѣсенъ. Въ повѣствованiя илiады и одиссеи вносились подробности и измѣненiя, но нельзя сказать, чтобы перемѣны были существенными. Правда, выступающее въ поэмахъ на первый планъ тѣнеобразное существованiе души теперь отступило на заднiй планъ, на переднемъ намъ проповѣдуютъ вѣру въ возмездiе и загробное блаженство. Но въ общемъ чтенiе этихъ произведенiй утверждаетъ въ мысли, что вѣра эта некрѣпка, что на самомъ дѣлѣ грекъ крѣпко вѣрилъ въ то, что зналъ, въ эту жизнь, въ ней онъ хотѣлъ получать и возмездiе, ее онъ считалъ и настоящимъ благомъ. Правда, жизнь часто бывала и несчастной, но грекъ ясно представлялъ себѣ, что она можетъ быть счастливой, онъ зналъ, что нужно для счастья. Почитатель тѣлесной красоты, онъ недоумѣвалъ: „чѣмъ будетъ жизнь духа безъ этого тѣла?“ Онъ рисовалъ себѣ загробныя идиллiи земными красками, но онъ понималъ, что на самомъ дѣлѣ тамъ немогло быть того, что онъ рисовалъ—ни того тѣла, ни тѣхъ цвѣтовъ, ни того солнца. Тамъ должно было быть что-нибудь иное можетъ быть и несравненно лучшее, но возможно, что тамъ оставался лишь духъ, т. е. нѣчто безтѣлесное, тѣнеобразное.

Топографiя ада была разработана. Адъ находился подъ землею и моремъ, подъ адомъ лежалъ тартаръ, куда низвергались лишь величайшiе нечестивцы. Въ аду протекають рѣчки. Эсхиль называетъ Стиксъ, Кокитъ, Ахеронъ. Черезъ Ахеронъ приходится переплывать всѣмъ душамъ, чтобы достигнуть преисподней. Души перевозить въ лодкѣ старецъ

Харонъ. Тотчасъ послѣ смерти умершему клали въ ротъ оболъ, чтобы онъ уплатилъ его Харону за перевозъ. Также покойнику давался медовый пирогъ, чтобы онъ могъ умиловить имъ адскаго пса цербера.

Въ аду умершаго ожидалъ судъ. Оффіціальными адскими судьями были Миносъ, его братъ Радамантъ и Эакъ, сынъ Зевса и Эгины, прославившійся своимъ благочестіемъ. Эсхиль представляетъ, что въ аду судъ творилъ самъ Аидъ— „второй Зевсъ среди умершихъ“ или „гостепріимный Зевсъ умершихъ“. Въ сохранившихся произведеніяхъ Софокла нѣтъ намека на загробный судъ. Послѣ суда праведниковъ ждало блаженное существованіе, грѣшниковъ—наказанія. Участь и праведныхъ была неравна. Цари и герои и по смерти занимали выдающееся положеніе. На судьбѣ людей занимающихъ незначительное положеніе на землѣ греческая эсхатологія не остановила своего вниманія, какъ вообще этимъ людямъ удѣляется мало вниманія. Блаженная жизнь рисуется у греческихъ поэтовъ вообще такъ, какъ ее рисовали Гомеръ и Гезіодъ. Мученія грѣшниковъ представлялись въ чувственныхъ образахъ. Обращаютъ вниманіе на то, что супруга Аида называется *πυρὸς δέβλοια*—владычица огня. Въ этомъ имени хотятъ видѣть указаніе на то, что нечестивые въ аду подвергались мученію отъ огня. Этотъ терминъ употребилъ Эврипидъ. Въ его произведеніяхъ фигурируетъ еще не выступающая у другихъ трагиковъ *Θάνατος*—смерть въ черной одеждѣ, съ острымъ мечомъ, отводящая души умершихъ въ преисподнюю въ назначенный каждому срокъ. Въ трагедіи Эврипида „Тезей“ изображены ужасы ада. Гераклу угрожаютъ страшная, съ чернымъ сердцемъ скала Стикса, кровоточивый утесъ Ахерона, бѣгающіе псы Кокита, столбая Эхидна, которая растерзаетъ его внутренности, тартезскій угорь, который въ его легкія вонзитъ свои зубы, титразскія горгоны, которыя раздерутъ его почки и оболъютъ ихъ кровью его же внутренностей.

Но какъ ни страшенъ былъ адъ, какъ ни печальна порою была жизнь на землѣ, у эллиновъ повидимому въ общемъ не чувствовалось потребности и не явилось идеи мірового обновленія. Мы не находимъ въ мифахъ, культѣ, литературѣ грековъ выраженія надежды, что существующій міровой строй когда-либо преобразуется въ болѣе совершенный, что

явится какой-либо избавитель, который принесетъ счастье людямъ. Чаяній идеальнаго будущаго не видно у грековъ. Они принимали міръ, какъ онъ есть. Жилось въ немъ большинству или по крайней мѣрѣ многимъ плохо, но безъ всякаго преобразования міра каждому въ отдѣльности могло быть и хорошо.

По отношенію къ загробному міру эллины, какъ и другіе народы, понятно, интересовались лишь собственной судьбою. Вопросы о посмертной судьбѣ другихъ существъ кромѣ людей они касались лишь попутно и мимоходомъ. Но касаться его по необходимости приходились. Та эсхатологическая концепція, по которой загробная жизнь представляется подобной земной, *implicite* заключается въ себѣ мысль, что безсмертіе ожидаетъ не однихъ людей, но и другихъ существъ. Если на могилѣ умершаго закалывались его лошади и собаки, то ясно, закалывавшіе руководились представленіемъ, что эти лошади и собаки будутъ потомъ за гробомъ снова служить своему хозяину, значить, снова будутъ жить. Одиссей видѣлъ, какъ Оріонъ гналъ звѣрей по асфоделонскому лугу. Если Оріонъ былъ тѣнью, то только тѣнью были и звѣри. Но если Оріонъ былъ дѣйствительностію, то конечно, онъ и гналъ дѣйствительныхъ звѣрей. Изъ иліады мы знаемъ, что конь Ахиллеса владѣлъ духомъ прорицанія. Жители Олимпа имѣли животныхъ. Пегасъ былъ только конь и попалъ на Олимпъ. Есть у грековъ мнѣ о царѣ Икаріи. Къ нему нѣкогда пришелъ Діонисъ съ своей свитой. Икарій принялъ его радушно. Діонисъ далъ Икарію въ награду вина, но наказалъ припрятать его получше. Икарій спряталъ, но плохо. Его пастухи по аромату нашли вино, перепились, убили Икарія, тѣло его бросили въ яму и забросали камнями. Дочь Икарія Эригона нашла могилу отца при помощи вѣрной собаки Мэры. Эригона съ горя повѣсилась у могилы. Діонисъ взялъ на небо Икарія, Эригону и Мэру, и они стали звѣздами ¹⁾. Вѣрность собаки была награждена за гробомъ. Коза Амалѣея, питавшая Зевса, также была помѣщена между звѣздъ ²⁾. Это представленіе, что посмертная участь животныхъ подобна людской логически вытекала изъ

¹⁾ Анненскаго, Театръ Еврипида. стр 15.

²⁾ Amalthea (Daremb. et Saglio 1/1. p. 219)

всего міросозерцанія грековъ. Оно вытекало изъ ихъ анимистическаго взгляда на физическую природу, по которому въ каждомъ предметѣ и существѣ есть его духовный прототипъ, и изъ ихъ матеріалистическаго представленія духа, по которому онъ есть *είδωλον*—образъ (образикъ) тѣла. Этотъ образъ мало реаленъ, но изъ внѣшняго матеріала онъ можетъ образовать себѣ тѣло и жить реальною жизнью. И такъ какъ этотъ образъ, этотъ *είδωλον* не есть специфическая принадлежность только человѣка, но имѣется и у другихъ существъ, то значить, и посмертное бытіе возможно для этихъ существъ.

Мы прослѣдили судьбы греческихъ вѣрованій послѣ ге-зидовскаго времени. Результатъ нашего изслѣдованія тотъ, что греческая религія сложилась собственно до Гомера, послѣдующія эпохи внесли много миѳологическихъ дополненій и моральныхъ запросовъ и поправокъ въ гомеровскія представленія, но они не измѣнили и не поколебали существа религіи. Происходилъ процессъ сліянія и обработки миѳовъ, повышалась глубина нравственнаго анализа и уточчалась нравственная чуткость, но и это развитіе формы и глубины безъ измѣненія существа достигло повидимому своего кульминаціоннаго пункта ко времени Перикла и не пошло далѣе. Недаромъ Негельсбахъ написалъ свою классическую *nachhomerische Theologie... bis auf Alexander*. Правда, онъ часто цитируетъ писателей и позднѣйшихъ, чѣмъ Александръ, но эти писатели сами утверждаютъ, что они передаютъ до-александровскую традицію. Общегреческое творчество нашло свое завершеніе до Александра. Но кромѣ этого обще-греческаго творчества религіозныя вѣрованія были предметомъ разработки въ особыхъ религіозныхъ общинахъ и у философовъ. Философы до позднѣйшаго времени мало вліяли на религіозную жизнь, но богословіе общинъ или союзовъ, такъ сказать, сектантское богословіе проникало и въ широкіе круги и сказывалось на нихъ практическимъ вліяніемъ. Поэтому прежде чѣмъ перейти отъ религіозной теоріи къ религіозной практикѣ грековъ мы должны ознакомиться съ этимъ сектантскимъ богословіемъ. Но раньше чѣмъ обратиться къ этому богословію, закончимъ наше разсужденіе объ общихъ греческихъ вѣрованіяхъ краткими замѣчаніями о томъ, какъ общегреческое религіозное созна-

ніе выражалось въ его наиболѣе культурныхъ представителяхъ—писателяхъ и поетахъ.

Въ періодъ исторической жизни Греціи мѣстные культы, постепенно объединяясь, становились общими, происходила интеграція религіи. Но параллельно съ этою внѣшнею интеграціею шла внутренняя дифференціація. Развитіе эллиновъ стало неодинаковымъ, условія жизни были различными, отсюда различіе взглядовъ при внѣшнемъ сходствѣ и подчиненіи общимъ законамъ и установленнымъ культамъ. Различные представители умственной жизни Эллады различно реагировали на то, чему учила и чего требовала отъ нихъ религія.

Въ Атикѣ Солонъ (род. приблизительно 635, ум. 559 г. до Р. Х.) съ беззаветнымъ оптимизмомъ исповѣдывалъ вѣру въ боговъ:

Нѣтъ! никогда не придетъ ужъ на городъ родной нашъ
погибель:

Зевса то воля и всѣхъ вѣчныхъ блаженныхъ боговъ,

Ибо Паллада Аeiна заступница твердая наша,

Мощнаго дочь отца, длани простерла надъ нимъ.

Θεογνιδъ (около 540—500 г. г. до Р. Х.), повидимому вѣря въ боговъ, какъ и Солонъ, негодовалъ на тѣ проявленія божественной воли, которыя открывались въ мірѣ.

Не понимаю тебя, о мой Зевсъ, ты надъ всѣми вѣдь
правишь,

.....
Какъ же помыслить рѣшаешься ты, о Кронидъ, чтобъ
злодѣи

Участь имѣли одну съ тѣмъ, кто по правдѣ живетъ?

Религіозная традиція, передававшаяся въ мѣоахъ, повидимому смущала многихъ. Гекатей милетскій (549—479 до Р. Х.) пытался истолковывать мѣоны рационалистически. Мы привели выше его толкованіе сказанія о Церберѣ, къ признанію какового толкованія склоняется Павзаній. Благочестивый Пиндаръ (521—441 г. г. до Р. Х.) съ нескромными мѣоами поступалъ проще, онъ опускалъ ихъ, ибо о богахъ неприлично говорить дурное.

Для выраженія греческихъ религіозныхъ вѣрованій много матеріала даютъ трагики — Эсхиль (524 — 456), Софокль (497—406) и Эврипидъ (480—406). Благочестивѣйшій между

ними Эсхиль. Правда, и у него порою выступаетъ господство слѣпой необходимости—*ἀνάγκη*, самъ Зевсъ у него въ Прометей подчиняется судьбѣ. Но въ общемъ онъ идеализируетъ боговъ и ихъ волю представляетъ, какъ разумное и благое провидѣніе, которое все направляетъ къ доброму концу. Охотно въ своихъ трагедіяхъ онъ даетъ мѣсто элементу чудесному и мистическому. Софокль въ общемъ какъ бы раздѣляетъ воззрѣнія Эсхила. Надъ всѣмъ у него поднимается Зевсъ, судьба является только волею Зевса. Человѣкъ долженъ безропотно сносить бѣдствія посылаемыя богами. Положеніе человѣка жалко. Воля боговъ ему неизвѣстна, изреченія оракуловъ и гадателей всегда темны и порою лживы, самъ человѣкъ склоненъ къ заблужденію. Въ понятіе о божественной волѣ Софокль вноситъ иной оттѣнокъ, чѣмъ Эсхиль. У послѣдняго эта воля болѣе спасаетъ, у перваго болѣе караетъ. Эврипида противопологаютъ Эсхилу и Софоклу. Онъ нерѣдко относится къ богамъ отрицательно. У него осуждается Аполлонъ за то, что побудилъ Ореста къ матереубійству, Афродита называется злодѣйкой губящей Ипполита, въ его трагедіяхъ высказывается сентенція: „если боги творять что-либо позорное, то они—не боги“. Но и у Эврипида можно найти много мѣстъ, гдѣ выражается вѣра въ боговъ и въ то, что все совершается по ихъ волѣ. Такъ трагедія „Альцеста“ заканчивается слѣдующими словами хора:

Воли небесной различны явленья:
Смертный не можетъ ее угадать,
Много проходитъ безслѣдно надеждъ,
Многое боги неожиданно даютъ...

Тѣ же мысли высказываетъ хоръ въ заключеніи Медеи.

У Софокла и особенно у Эсхила охотно пытаются находить выраженіе монотеистическихъ идей¹⁾, признаніе Зевса верховнымъ богамъ. Но не знала греческая религія верховнаго бога. Потребность въ абсолютномъ, чувство абсолютной правды жило въ грекахъ, но оно не конкретизировалось въ

¹⁾ Корсунскаго, Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи. Воронцова, Религіозно-нравственное значеніе трагедій Эсхила (Богословск. Вѣсти 1900, 11, 8 стр. 550—571) Кагарова, Эсхиль, какъ религіозный мыслитель (Труды Кіевской духовной Академіи. Май 1908).

ихъ религіи. Потребность въ единомъ абсолютномъ Богѣ заставляла ихъ дѣлать Зевса исправляющимъ должность верховнаго бога, порою на мѣсто Зевса ставилось неопредѣленное названіе богъ, порою для той же цѣли ставилась совокупность всѣхъ боговъ. Богъ (просто), Зевсъ, совокупность боговъ, это—три различныя, никогда не отождествляемыя понятія, и однако каждое изъ нихъ становится порою на мѣсто единаго Бога. Это происходило отъ того, что греческая религія не исповѣдывала единаго Бога и къ ней никакъ нельзя приложить терминъ монотеистическая. Въ религіозной терминологіи слово монотеизмъ является наиболѣе простымъ и легкимъ для выясненія, расширять сферу его употребленія значить только спутывать едва-едва сформировывающуюся терминологію.

Именемъ атеиста въ первый разъ, кажется, былъ названъ Діагоръ милосскій (жилъ во второй половинѣ V в.). Онъ написалъ *Φρύγιοι λόγοι*, гдѣ безпощаднымъ образомъ напалъ на фригійскія божества, вошедшія въ греческій культъ, и на фригійскія, элевзинскія и самоэракійскія тайнства. О немъ разсказываютъ, что первоначально онъ писалъ дифирамбы въ честь высшаго Духа и судьбы, но потомъ обманутый однимъ пріятелемъ въ имущественныхъ дѣлахъ, безусловно пересталъ вѣрить въ провидѣніе. Когда въ доказательство существованія промысла боговъ помогающихъ людямъ ему указали въ Самоэракіи на огромное количество приношеній сдѣланныхъ богамъ кабирамъ спасшимися отъ кораблекрушенія, онъ сказалъ: „но“ какъ бы велико было ихъ число, если бы ихъ могли принести и всѣ тѣ, которые погибли“. Его рѣзкія нападки на религію такъ раздражали аеинянъ, что они назначили награду за его голову. Діагоръ бѣжалъ въ Коринѣ, гдѣ и умеръ. По другимъ извѣстіямъ онъ погибъ при кораблекрушеніи.

У Аристофана (452—388 г.г.) мы находимъ и насмѣшливое отношеніе къ религіознымъ вѣрованіямъ и твердое ихъ признаніе. Въ комедіи „Лягушки“ Гераклъ въ комическихъ краскахъ описываетъ адъ Діонису. Въ „Птицахъ“ представлено, какъ въ облакахъ основался кукушичій городъ. Небожители смущенные появленіемъ воздушной общины посылаютъ Геракла и Посейдона для переговоровъ съ нею. Въ царствѣ птицъ парламентаря Геракла немедленно склонили

на свою сторону обѣщаніемъ обѣда. Посейдонъ называетъ за это Геракла идиотомъ и обжорой. Онъ говоритъ Гераклу: „если твой отецъ Зевсъ умретъ, отказавшись отъ своей власти въ пользу гражданъ воздушнаго государства, ты будешь раззоренъ, такъ какъ лишишься всего состоянія, которое онъ оставитъ“. Представитель царства птицъ отзывается Геракла и говоритъ ему: „мой бѣдный другъ! твой дядя дурочитъ тебя. Ты все равно ничего не получишь отъ отца, такъ какъ ты незаконный сынъ: твоя мать была иностранкой“. Гераклъ тогда грозитъ кулаками небу и остается въ царствѣ птицъ. Но рядомъ съ такимъ нечестивымъ трактованіемъ боговъ и каррикатурнымъ ихъ изображеніемъ Аристофанъ выдвигаетъ утвержденія въ „облакахъ“, что должно боговъ страшиться и въ „есмофоріяхъ: беззаконіе и нечестіе наказуетъ богъ. Аристофанъ не прочь посмѣяться надъ богами, но требуетъ отъ другихъ—хотя бы отъ Стрепсиада въ „облакахъ“, чтобы они ихъ почитали. Онъ повидимому признаетъ за собою право быть вольнодумцемъ, но не признаетъ этого права за другими. Такіе люди встрѣчаются нерѣдко.

До второй половины IV в. дѣлались нападенія на религіозныя вѣрованія, какъ на ложь, но не было представлено простой и удобопонятной теоріи, какъ возникла эта ложь. Такую теорію предложилъ Эвгемеръ, жившій при дворѣ македонскаго царя Кассандра (въ концѣ IV в.). Въ своемъ сочиненіи *ἑρσὶ ἀναρχαφῆ* онъ повѣствовалъ, что отправившись въ Аравію и въ южныя моря, онъ прибылъ на островъ Панхею и тамъ въ древнемъ святилищѣ Зевса Трифиллія на золотомъ столпѣ нашелъ написанную всю исторію міра, начинающую съ Урана. Тамъ была родословная Зевса. Пять разъ Зевсъ обѣхалъ всю землю и умеръ на Критѣ, и критяне въ Кноссѣ показывали его гробницу. Всѣ боги и герои по Эвгемеру были только люди, выдававшіеся своими силами и дарованіями и потому послѣ смерти получившіе божескія почести. Главнымъ образомъ ихъ почитаютъ тамъ, гдѣ они погребены. Эта теорія, насчитывающая за собою болѣе двухъ тысячелѣтій, въ своихъ основахъ многими поддерживается въ настоящее время.

Теорія Эвгемера какъ бы хотеть поставить надгробный памятникъ греческой религіи. Но эта религія продолжала существовать еще много столѣтій. Она жила въ народѣ, уже не

измѣняя ни своихъ формъ, ни существа. Это видно изъ того, что черезъ 600 слишимъ лѣтъ послѣ Аристафана Лукіанъ самосатскій (приблизительно 120—180 г. г. по Р. Х.) иронизируетъ надъ греческими эсхатологическими вѣрованіями въ своемъ діалогѣ *περί πένθους*—о траурѣ совершенно такъ, какъ Аристофанъ въ своей комедіи *Βάτραχοι*. У тѣхъ и другихъ даже одна и таже административная подробность въ описаніи адскихъ штатовъ. Эакъ, который до Аристофана представлялся подземнымъ судьей, у Аристофана и затѣмъ у Лукіана называется только привратникомъ. Лукіанъ говоритъ о грекахъ (народной толпѣ), что они полагаютъ, что преисподняя есть большое и пространное мѣсто, мрачное и лишенное солнца, причемъ однако (не понимаю, какимъ образомъ они представляютъ себѣ это), оно настолько освѣщено, что все находящееся тамъ, оказывается, можно видѣть. Этой бездною управляетъ Плутонъ, братъ Зевса, который свое имя, какъ сообщилъ мнѣ одинъ знающій чело-вѣкъ, носить, потому что онъ богатъ умершими... Давши нѣкоторыя сообщенія о находящихся у Плутона умершихъ и объ адскихъ рѣкахъ, Лукіанъ, сообщаетъ далѣе, что для достиженія ада умершіе должны переплыть ахеронтово озеро, послѣ чего они отправляются на большой лугъ поросшій асфоделомъ; здѣсь протекаетъ ручей, который убиваетъ память обо всемъ прежнемъ. Ручей этотъ называется Летой. Такъ рассказываютъ тѣ, которые согласно преданію были тамъ и возвратились на землю, каковы Альцеста и Проте-зилай, оба ессалийца—Тезей, сынъ Эгея и гомеровъ Улиссъ (Одиссей)—свидѣтели очень почтенные и заслуживающіе довѣрія, которые однако, какъ я думаю, замѣчаетъ Лукіанъ, не цили изъ этого источника, потому что въ послѣднемъ случаѣ они не помнили бы обо всѣхъ рассказанныхъ ими вещахъ... Изобразивъ судьбу справедливыхъ, нечестивыхъ и тѣхъ, которые жили на землѣ, какъ принято жить обыкновенно—а такихъ огромное большинство, Лукіанъ говоритъ о послѣднихъ: они питаются нашими жертвенными возліяніями и тѣмъ, что мы вообще приносимъ на ихъ могилы такъ, что тотъ, кто не имѣетъ на землѣ ни друзей, ни родственниковъ, остается послѣ смерти безъ пищи и блуждаетъ голодный между остальными умершими... И все это чрезвычайно многіе изъ народа такъ твердо держать въ своихъ

головахъ, что когда кто-либо умираетъ въ ихъ домѣ, они прежде всего кладутъ умершему въ ротъ одинъ оболъ, какъ плату за перевозъ Харону, не изслѣдуя при этомъ напередъ, какая именно монета принимается тамъ, и ходитъ ли умертвыхъ монета аттическая, или македонская, или эгинская. Они не думаютъ также и о томъ, что гораздо лучше было бы вовсе не давать никакихъ денегъ за перевозъ, потому что такимъ образомъ тѣ изъ умершихъ, которыхъ перевозчикъ не хотѣлъ бы принять въ свою лодку, могли бы опять возвратиться къ земной жизни“ ¹⁾.

Лукіанъ былъ современникомъ Павзанія, къ благочестивому описанію Эллады котораго мы многократно обращались на предыдущихъ страницахъ. Лукіанъ и Павзаній свидѣтельствуютъ намъ и о живучести религиозныхъ вѣрованій и о живучести нечестія и благочестія. Лукіанъ и Павзаній, это—два полюса. Лукіанъ, котораго за его остроуміе прозвали древнимъ Вольтеромъ, сближаясь по остроумію и съ Аристофаномъ, идетъ въ своихъ отрицаніяхъ далѣе и Аристофана и Вольтера. Въ его діалогѣ „Зевсъ уличаемый“ эпикуреецъ Киниксъ доказываетъ Зевсу, что совмѣстно не могутъ существовать свободная воля боговъ и господствующая надъ всѣми судьба. Въ діалогѣ „Зевсъ трагедъ“ эпикуреецъ Дамисъ доказываетъ стоику Тимоклу, что нѣтъ провидѣнія. Діаметрально противоположны воззрѣнія Павзанія. Онъ умиляется, вспоминая священныя сказанія, онъ благоговѣйно приближается къ религиознымъ святынямъ, онъ живетъ эллинскою вѣрою. Онъ родомъ эллинъ, а не сиріецъ, какъ Лукіанъ. Но будучи эллиномъ, Павзаній не могъ быть совершенно чуждъ сомнѣнію и скептицизму. Мы видѣли, что онъ сочувственно принималъ раціоналистическія толкованія Гекатея и по вопросу о безсмертіи высказывался нерѣшительно.

Эллины крѣпко любили землю и неособенно сильно вѣрили въ небо.

С. Глаголевъ.

¹⁾ См. переводъ этого отрывка у Миронова, *op cit.* стр. 105—107.